

КИНЕСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЛОЖНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В статье анализируются кинетические средства (выражения лица, жесты, позы, походки, зрительный контакт) и их реализации при выражении ложных высказываний на основе произведений немецкой художественной прозы. В качестве текстового материала использованы материалы электронного портала "DWDS".

Ключевые слова: ложь, паралингвистика, кинетические особенности, язык тела, немецкий язык.

*«Der Mensch kann mit dem Mund so viel lügen wie er will –
mit dem Gesicht, das er macht, sagt er stets die Wahrheit»
Friedrich Nietzsche*

В процессе социального взаимодействия люди прибегают к разным видам коммуникативных стратегий. Внимание лингвистов привлекают как стратегии позитивного общения, так и те явления речевой коммуникации, которые не соответствуют критериям т.н. корректного общения [Ленец 2010: 134–139; Литвинова 2015: 171–172; Шаховский 2005: 173–204]. К таким феноменам в сфере межличностного взаимодействия следует относить ложь, в исследовании которой особенно изученными являются её невербальные маркеры [Крейдлин 2004: 27]. Тем не менее, процесс верификации лжи является настолько многофакторным процессом, где необходимо учитывать различные аспекты коммуникации, как вербальные, так и не вербальные.

Цель настоящей статьи – описать реализацию особенностей передачи ложного сообщения с помощью кинесики как составляющей невербальной семиотики на материале немецкоязычной художественной литературы.

Ложь, будучи многоаспектным феноменом, представляет собой вид коммуникативного акта, осуществляемый с помощью лингвистических и/или паралингвистических средств для сознательной передачи информации, противоречащей действительности, путём искажения, сокрытия, подмены истины/правды [Панченко 2004]. Безусловная искренность, к сожалению, не является нормой человеческого социума и «естественность» лжи определяет её отнесённость почти ко всем сферам человеческой деятельности [Экман 1999: 272]. Данное суждение позволяет считать ложь естественным явлением, которое проявляется в различных жизненных ситуациях и при любых коммуникативных актах, что в некоторой степени сглаживает отрицательный аспект ложных высказываний.

Проблема лжи занимает особое место в сознании человека и в его социокультурной практике. Попытки разобраться в сущности феномена лжи берут свое начало с философско-этических трудов античных учёных (Аристотель, Декарт, Платон и др.). Изначально философы рассуждали на тему о сущности лжи, противопоставляя понятия ложь – истина. Природой лжи занимались также немецкие философы (И. Кант, Ф. Ницше и др.). Так, И. Кант даёт определение лжи «честолюбие <...> заставило одно скрывать в своём сердце, другое держать наготове на языке», полагая, что даже «безвредную ложь нельзя считать невинной, так как она остается серьёзным нарушением долга по отношению к самому себе» [Кант 1995: 453].

Долгое время проблематика лжи изучалась в качестве социально-психологического феномена, и рассматривалась как «вымысел или извращение истины» [Мелитан 1903: 18], как «сознательно неверное показание» [Штерн 1922: 40–72], «акт воздействия» [Дюранден 1970: 12], «реализация намерения субъекта ввести партнера в заблуждение» [Знаков 1993: 9–16]. Актуальность проблематики лжи в русле социально-психологического течения объясняется многими причинами и, в первую очередь тем, что ложные речевые сообщения обусловлены как биологическими, так и социальными, психологическими, финансово-экономическими политическими и многими другими факторами [Шаховский 2005: 173–204]. Такая многогранная и сложная детерминированность повлияла, безусловно, на включение проблематики лжи в спектр лингвистики.

С XX века проблема природы лжи и оптимизации речевого сообщения стала одной из центральных в лингвистических исследованиях [Ленец 2008: 284]. Ложное высказывание – не только психологическое, лингвистическое, но и паралингвистическое явление. Исследования паралингвистических средств выражения и явлений невербальной семиотики нашли своё

отражение в работах Г.В. Колшанского, Г.Е. Крейдлина, П. Экмана и др. Очевидно, что коммуникативный акт должен рассматриваться в совокупности с невербальными средствами общения для последовательного отражения и глубокого раскрытия экспрессивной, внутренней жизни человека. В этой связи справедливо мнение Г. Крейдлина, который определил паралингвистические средства как звуковые коды, которые дополнительно к собственно высказыванию включаются в процесс речевой коммуникации, передают в этом процессе смысловую информацию [Крейдлин 2004: 27].

Необходимо отметить и функциональную значимость паралингвистических средств, их способность окантовывать речь, выявляя эмоциональную сторону речевого сообщения. При этом невербальные компоненты коммуникации являются первичными, то есть в акте речевого поведения человека сначала развёртываются невербальные коммуникативные средства, а затем – если их ресурсов недостаточно для взаимопонимания – вербальные средства [Горелов 2003: 13–18]. Невербальные признаки ложного сообщения в процессе коммуникации выявляются по следующим практически общеизвестным параметрам: прерывистая речь, ошибки в речи, повторы, изменение высоты голоса и интонации, улыбка, манипуляции, характерные жесты и позы, выражение лица и ряд других.

Мы остановимся подробнее на кинесике/кинетическом поведении коммуниканта при реализации ложного высказывания на примере немецкоязычных диалогов героев в художественных текстах. В ходе исследования нами проанализированы более 100 диалогических отрезков, отобранных из базы корпуса немецких текстов “DWDS” (<https://www.dwds.de/r>; раздел художественной литературы XX века “Belletristik”), где возможно задавать параметры поиска. Привлечение к исследованию материала художественной литературы объясняется тем, что художественный диалог располагает богатым арсеналом лингвистических и паралингвистических средств по сравнению с естественным диалогом [Изотова 2006: 60]. Кроме того, обращение именно к художественной литературе объясняется наличием определённых образов/штампов в поведении коммуникантов.

Любой образ, который носитель языка представляет, или обнаруживает во внешнем мире, может быть связан с каким-либо чувством, эмоцией или состоянием. Появление такого образа в процессе коммуникации может служить стимулом для изменения состояния собеседника. В связи с этим, например, определённое выражение лица, жесты связаны у собеседника с конкретной эмоцией. Повторное обнаружение коммуникантами данного образа в процессе речевого общения приводит к устойчивому восприятию данного эмоционального состояния и его дальнейшего использования уже при описании подобной коммуникативной ситуации. Это позволяет выявить воспроизведение авторами художественного произведения паралингвистических маркеров ложного высказывания с их дальнейшей типизацией в соответствии со знаками кинетической семиотики.

Под кинесикой принято понимать совокупность жестов, поз, телодвижений, используемых при коммуникации в качестве дополнительных выразительных средств общения [Кнапп 1978: 125]. Данный термин был введён впервые Р. Бердвистеллом в 60-х гг. XX в. Согласно его градации телодвижения человека делятся на мелкие единицы, кины. Из кинев строятся кинемы, где последние в свою очередь образуют кинеморфы. В последующем кинеморфы и воспринимаются в коммуникативной ситуации [Birdwhistell 1952: 287].

В качестве кинетических знаковых маркеров лжи, опознаваемых и описанных авторами художественных произведений нами, были выявлены: указание на жесты, позу, походку, мимику, визуальный контакт, направление движения глаз, частоту визуального контакта. Проанализированные примеры корпуса были сгруппированы нами в группы: манипулирующие, визуально-мимические, регулирующие маркеры лжи. Рассмотрим эти группы подробнее.

Значительное количество выявленных и проанализированных нами примеров относится к группе манипулирующих маркеров лжи (42%), которые представляют собой движения руками, осуществляющие какие-либо манипуляции с телом. Американский исследователь знаков невербальной семиотики и психологии лжи П. Экман справедливо считал, что «именно руки иллюстрируют речь» и позволяют верификатору довольно точно определить маркеры ложного сообщения [Экман 1999: 49]. Увеличение количества данных маркеров в коммуникации свидетельствует об увеличении вероятности ложности передаваемого сообщения или, в крайнем случае, о том, что собеседник испытывает негативные эмоции, которые желает скрыть. В немецкой художественной литературе нами зафиксированы следующие языковые маркеры реализации невербального ложного сообщения, связанные с манипуляцией руками, пальцами

(Arme, Hände, Finger): *Arme verschränkt halten; die Handflächen auswärts drehen; den Mund mit den Händen decken; die Hände hinter Rücken nehmen; die Hände kneten; die Finger aneinander reiben; einen Finger sanft um die Augen verbringen*; касание руками частей лица (Nase, Nasenspitze): *an der Nase kratzen; recht betroffen die Nasenspitze reiben*.

Приведем наглядные примеры:

1. „Ist in Ordnung“, antworte ich. Ich **lüge. Knete meine Hände** [In: Lebert, Benjamin, Crazy, 1999, S. 167]; Данный фрагмент диалога репрезентирует процесс осуществления коммуникантом ложного высказывания. Факт сокрытия правды и внутренний дискомфорт адресанта распознается паралингвистическим, манипулирующим средством – *knete meine Hände*.

В следующем акте коммуникации с помощью паралингвистического средства манипулирующего характера (*rieb nachdenklich die Finger aneinander*) продемонстрировано выражение адресатом ложного сообщения, где сокрытие некой информации манифестируется использованием лексемы *nachdenklich*. Адресат в замешательстве и пытается скрыть не только своё истинное эмоциональное состояние, но и истинное положение дел. Очевидно, что манипуляции с руками трудно поддаются контролю и, следовательно, являются выразительными верификаторами лжи.

2. „Und wann es genau anfing, wissen Sie auch nicht?“ Sie **rieb nachdenklich die Finger aneinander**. „Es war, glaube ich, kurz nach dem Unfall... ja, da fing es an.“ [In: Arjouni, Jakob, Happy birthday, Türkei, 1987, S. 76];

Меньшим количеством примеров представлена группа визуально-мимических маркеров (31%). Данные маркеры связаны с испытываемыми эмоциями, которые проявляются у людей всех лингвокультур одинаково, но они могут иметь различное значение. Лицо, являясь ценным «источником» определения психологического, эмоционального состояния коммуниканта и выявления маркеров лжи, демонстрирует отражение истинных чувств, т.к. мимика неподвластна мыслям и намерениям [Экман 1999: 58].

Лицо не в меньшей степени, чем слово, выполняет и симптоматическую функцию выражения чувств. К данной группе относятся языковые маркеры, связанные с мимикой и с вегетативными изменениями (*Gesicht, Braunen, Stirn, Lippen, lächeln*), а также языковые маркеры, связанные с выражением глаз (*Augen, Pupillen, Blickkontakt; blinzeln, weggucken*): *das Gesicht rötet sich; die Lippen nervös lecken; die Braunen hochziehen; die Stirn runzeln; mit erweiterten Pupillen starren; von Blickkontakt meiden; Nicht-in-die-Augen-sehen; unablässig/häufig blinzeln; Augen beim Blinzeln lange geschlossen halten; schüchtern weggucken*).

Приведем показательный пример:

3. *Es dauerte eine ganze Weile, bis Reineboth wieder nach vorn kam. Er hatte ein mokantes Lächeln aufgesteckt und zog die Brauen hoch. „Nichts“, sagte er lakonisch.* [In: Apitz, Bruno, Nackt unter Wölfen, 1961, S. 123]

Выражение ложного сообщения коммуникантом находит подкрепление в невербальных знаках. В данном случае это осуществляется при помощи мимики: *er hatte ein mokantes Lächeln aufgesteckt* и *zog die Brauen hoch*. В данной ситуации ироничная улыбка в сопровождении с подвижной мимикой лица и лаконичным ответом „Nichts“ свидетельствуют о неискренности коммуниканта и о попытке скрыть информацию.

Третья группа маркеров ложного высказывания, к которой относятся движения ногами, головой, указывающие собеседнику на какую-либо часть пространства, мы определяем как регулирующие. От общего количества всех маркеров лексика данной группы составляет 27%. К этой группе верификаторов лжи относятся движения головой и телесные проявления эмоций при осуществлении ложного высказывания. Тело бесспорно является выразительным источником утечки информации и выявления лжи, но телодвижения довольно несложно контролировать, в отличие от мимики. «Однако большинство коммуникантов считает это излишним, т.к. они увлечены тем, что внимательно следят за выражением лица и вслушиваются в слова, тело в этот даёт постоянную утечку информации» [Экман 1999: 39]. В немецком языке мы находим следующие примеры языковых реализаций, которые демонстрируют движения головой, волосами (*Kopf, Haar*): *den Kopf zurücklehnen; sich mit dem Kopf übertrieben bewegen; nervös mit Haar herumspielen; Haar zurückstreichen*. Например,

4. „*War Grete auch eine Männerfeindin*“, fragte ich. – **Er lehnte den Kopf zurück, schloß aber die Augen nicht wie zum Nachdenken, sondern ließ den Blick über die Zimmerdecke wandern, als könnte er dort die Sätze ablesen, die er mir sagen wollte.** [In: Maron, Monika, Stille Zeile Sechs, 1991, S. 149]

Маркером ложного высказывания в данном диалогическом отрезке является авторская ремарка «*er lehnte den Kopf zurück*». Очевидно, что адресату неприятна ситуация, он тщательно подбирает слова и старается скрыть свое эмоциональное состояние, однако, это ему не удаётся.

В немецкой художественной литературе примеры, репрезентирующие телесные движения плечами (*Achseln/ Schultern*), нашли свое воплощение в следующих примерах: *mit den Achseln/Schultern zucken*; *mit ausweichender Antwort die Schultern hilflos zucken*), а также обозначения движения ногой (*Fuß*): *von einem Fuß auf den anderen treten*. Приведем пример из корпуса:

5. „Angenehm?“ *schlug mein Vater vor. Ich nickte mit dem Kopf und zuckte mit den Schultern. „Nein, dein Problem hat keine angenehme Lösung“* [In: Schlink, Bernhard, *Der Vorleser*, 1995, S. 137].

В этом диалогическом отрезке презентация ложного высказывания осуществляется за счёт «эмблематической оговорки». Паралингвистическим маркером выступает ремарка «*Ich nickte mit dem Kopf und zuckte mit den Schultern*», а лингвистическим «*Nein, dein Problem hat keine angenehme Lösung*». Данное несоответствие между смыслом эмблемы и словами коммуниканта свидетельствуют о сокрытии правды.

Анализ невербальных маркеров реализации ложных высказываний с позиции паралингвистики и их типизация в соответствии с кинетическими признаками в поведении коммуниканта позволяет углубить представления об эффективных способах верификации лжи в дискурсе художественного текста. Анализируя материал немецкой прозы XX века, мы пришли к выводу, что кинетические невербальные знаки сопровождают ложные высказывания как важные составляющие фиктивного повествования. При продуцировании ложного высказывания персонажей преимущественно задействованы телодвижения и мимика. Проблема языковой реализации паралингвистических признаков лжи (на материале произведений немецкой художественной литературы) представляется актуальной ввиду своей малой изученности, является перспективной для дальнейших исследований в области литературоведения, стилистики и лингвистической экспертиологии.

Библиографический список

1. Изотова Н.В. Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2006.
2. Горелов И.Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения // Вопросы психолингвистики, 2003. – №1. – С. 13-18.
3. Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблема психологии понимания // Вопросы психологии, 1993. – № 2. – С. 9-16.
4. Кант И. Критика практического разума. – СПб.: РАН, 1995.
5. Кнапп М.Л. Невербальные коммуникации. – М.: Наука, 1978.
6. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
7. Ленец А.В. Прагматика лжи. – Ростов на Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008.
8. Ленец А.В. Семиотические аспекты анализа лжи // Знание. Понимание. Умение. – М.: Московский гуманитарный университет, 2010. – № 1. – С. 134-139.
9. Литвинова Т.А. «Банк лжи»: корпус для исследования языковых особенностей текстов, содержащих намеренно искаженную информацию // Язык как система и деятельность. Материалы междунаучной конференции. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. – С. 171-172.
10. Мелитан К. Психология лжи. – М.: Изд-во А. Сомова, 1903.
11. Панченко Н.Н. Ложь в коммуникации // Лаборатория коммуникативных исследований. – Волгоград: ВолГПУ. 2004. URL: <http://communication.vspu.ru/panch.html> (Дата обращения 17.01.2017).
12. Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 173-204.
13. Штерн В. Изучение свидетельских показаний // Проблемы психологии: Вып. 1: Ложь и свидетельские показания. – Пг.: Н.Н. Колчев, 1922. – С. 40-72.
14. Экман П. Психология лжи. – СПб.: Питер, 1999.
15. Birdwhistell R.L. Introduction to Kinesics. Louisville: University Press, 1952.
16. Durandin G. Le fondements du mensonge. Paris, 1970.

M. A. Khatlamadzhijan (Russland, Rostow-am-Don)

Im Beitrag werden kinesische paralingustische Ausdrucksmittel (Mimik, Gestik, Körperhaltung, Gangart, Augenkontakt) von Falschaussagen und ihre sprachliche Realisierung anhand der modernen deutschen schöngeistigen Literatur erörtert. Als Textmaterial wurde der Subkorpus „DWDS/Belletristik“ untersucht.

Stichwörter: Lüge, Paralinguistik, paralinguistische Merkmale, Kinesik, Körpersprache, Deutsch.